

ЧАСТЬ I

Англия

Глава 1

24 декабря 1513 года. Графство Саффолкшир

В старом замке Хогли готовились к Рождеству...

Время было полуденное, однако из-за продолжавшегося уже несколько дней снегопада, низких свинцовых туч и снежной круговерти в замке стоял полумрак. Но даже эти ранние потемки не могли повлиять на то праздничное оживление и веселье, какое проникает в кровь и душу в преддверии праздника Светлого Рождества Христова.

В полуподвальном помещении замковой кухни шла подготовка к рождественскому ужину. Воздух был насыщен запахами специй, жаркого, соусов, ароматом пирогов и сладостей. Поварята, кухарки, прислуга, горничные, охранники замка — все находились здесь, всем нашлась работа: одни рубили мясо, другие вращали вертела, гремели кастрюлями и противнями. Кто-то ругался, отгоняя клубы дыма, из-за непогоды то и дело вырывавшиеся из-под вытяжки очага, трещали сковороды, кричала гусыня, которой кухарка неловко пыталась свернуть шею.

По кухне с деловым видом сновала пожилая дама в черном траурном платье, переднике и накрахмаленном чепце и, бранясь, отдавала приказания. Ей не перечили, ибо леди Гилфорд слыла женщиной властной и не терпящей возражений. Худая как жердь, с лицом некрасивым, но не лишенным того обаяния,

какое придает сильной личности особый внутренний свет, она строго вмешивалась во все приготовления.

— Хью, добавь дров в камин. Черри, не переперчи соус. Берта, да уйми ты эту гусыню! Голова раскалывается от ее криков. Изабелл, ты уверена, что точно знаешь, сколько чернослива надо класть в рождественскую кашу? О нет! Святочная каша делается не так. Отойди-ка, милочка. Святочная каша — это нечто особенное. Зерна должны быть из самой лучшей, первосортной пшеницы, и варят кашу непременно на молоке, а не на воде. Даже если это вода из источника святого Эдмунда.

На ходу перекрестившись при упоминании имени самого почитаемого в саффолкских землях святого, она решительно потеснила робкого вида бледную женщину и стала сцеживать в котелок желтоватое молоко утренней дойки. Изабелл Одли, жена кастеляна замка, боязливо отступив в сторону, послушно кивала, соглашаясь со всем, что ей выкрикивала в общем шуме властная леди Гилфорд. Но в какой-то момент она отвлеклась, заметив своего мужа, топтавшегося на ступенях лестницы и мявшего в руках берет.

— Да ты слушаешь ли, милочка? — окликнула ее леди Гилфорд. — Я говорю, что теперь надо добавить сахара и специй и дать настояться. Но чтобы к столу ее подавали непременно горячей...

— Простите, миледи, — робко прервала ее Изабелл. — Но пришел Джон, и ему надо сказать вам...

— Что, ваш олух сынок так и не появился? Что ж, одному Богу ведомо, куда он мог отправиться в такую метель.

— О нет, миледи. Дело не в Илайдже, а в... Кажется, моего Джона послал доктор Холл. Это касается принцессы.

Леди Гилфорд тут же перестала мешать половником в котле и, вытерев руки о передник, заторопилась к выходу, успев заметить Изабелл, что голову с нее снимет, если та что-нибудь испортит и святочная каша будет не такой, как должно.

Джон Одли, кастелян замка Хогли, что-то сказал ей, и дама, решительно потеснив его и подхватив пышные юбки, с девичьей легкостью взбежала по крутым ступеням. Миновав узкий сводчатый коридор, где после жара кухни было пронзительно холодно, она оказалась в главном зале поместья. Здесь также царила предпраздничная суэта — служанки украшали стены остролистом с красными ягодами, окуривали старинное помещение розмарином, пажы вешали на потолочные балки гирлянды плюща. Леди Гилфорд шла быстро, но и здесь успевала давать указания. Лишь выйдя в очередной узкий коридор и заметив солидного полноватого мужчину в темно-синем одеянии лекаря, несколько замедлила шаг. Приближаясь, она машинально постаралась спрятать под чепец выбившуюся прядь. Взгляд ее стал мягче, на тонких губах появилась нежная, почти заискивающая улыбка.

— Мистер Джонатан?

Он подошел стремительно, взял ее руку в свои и по-отечески похлопал, словно не замечая невольного кокетства во взгляде важной матроны.

— Мег, дело гораздо хуже, чем я предполагал. Она стоит наверху башни и не желает спускаться. Откуда у нее эта уверенность, что брат придет за ней непременно сегодня? Мег, голубушка, уж не ты ли подала ей эту мысль?

— Сохрани Боже, Джонатан! Я не ведаю, отчего наша Мэри решила, будто с нее снята опала и августейший брат непременно сообщит ей об этом к Рождеству. Святочный подарок от старшего брата, то бишь! Бедная девочка. Три года в изгнании! Она ведь так истосковалась, понимает, что король Хэл* поступает с ней несправедливо, но не хочет в это верить.

Теперь леди Гилфорд не кокетничала, она была обеспокоена и расстроена и охотно согласилась пойти к принцессе, сказав, что лишь захватит в кладовой подбитый мехом плащ.

---

* Хэл — краткое имя английского короля Генриха VIII Тюдора (1491—1547), брата главной героини.

Узкая винтовая лестница в башне совсем промерзла. Пламя факела колебалось от сквозняка, отбрасывая красноватые тени. Так же холодно и уныло было в круглой башенной комнате, где возле узкого, как бойница, окна с западной стороны стояла худенькая девушка. У леди Гилфорд заныло сердце — такой одинокой и хрупкой показалась она ей. пышная, золотистого цвета волна волос, ниспадающая из-под облегающей голову вязаной шапочки девушки, была единственным теплым пятном в сером сумраке этого каменного помещения. Даже огонь в очаге потух, а от тяжелых угрюмых стен так и веяло холодом.

Женщина накинула на плечи госпожи плащ.

— Мэри... моя высокочтимая леди... девочка моя. Так ведь можно совсем расхвораться, подхватить насморк. Что же тогда будет с нашим хорошеньким носиком?

Носик действительно был очаровательным. Маленький, изящно вылепленный кельтский нос Тюдоров. Леди Гилфорд видела нежную округлость щеки девушки, темный изгиб длинных ресниц. А когда сестра короля, принцесса Мэри Тюдор, повернулась, стали видны ее огромные темные глаза. Темными они казались в сумраке помещения. На самом деле они были серыми, но не прозрачно-серыми, светлыми, а цвета крыла голубки, того темно-серого оттенка, какой приобретают освещенные солнцем камни гранита или небо перед грозой над Северным морем.

— Что ты хочешь, Гилфорд? — тихо спросила девушка. — Оставь меня. Я не выйду отсюда, пока не увижу на дороге гонцов от короля.

Три года не было вестей. Три года она жила в изоляции, в глуши и безвестности. И это принцесса королевской крови, дочь августейших Тюдоров, сестра самого прославленного в христианском мире короля Генриха VIII, невеста эрцгерцога Карла, которую и величать-то полагалось «ее высочество принцесса Кастильская» — как пышно титуловали ее до того, когда по указу брата она была сослана в Саффолк, в провинцию.

Леди Гилфорд хотела сказать ей много хороших, теплых слов, но вместо этого лишь строгим тоном произнесла:

— А ну-ка подожмите губы, как добропорядочная леди. Уж и наградил вас Господь губищами! Сущее наказание для девицы благородной крови.

Принцесса Мэри повиновалась. Губы у нее действительно были пухлые, чувственные — неприличные, как ее уверяли. И она привыкла держать их чуть сжатыми, дабы казались тоньше. Но эта очаровательная ямочка под нижней губой все же выдавала их сочную мягкость, почти непристойную для невинной девушки, да еще принцессы.

Леди Гилфорд отошла, начала орудовать кочергой в камине, выгребая из-под золы еще тлевшие угли. Потом раздула их, стала укладывать хворост, а когда он занялся, положила сверху толстые поленья.

— Ну вот, теперь вы не замерзнете. Ишь, что надумала! Простудиться захотела, да еще в такой день. Вспомните, ваша милость, какой сегодня праздник. Скоро Рождество, родится Божественный Младенец, и весь мир пребывает в ожидании этого события. Добрые христиане ликуют, а вы...

— Я хочу умереть, — тихо проговорила принцесса. — Обо мне все забыли. И Чарльз Брэндон в том числе...

Если Мэри Тюдор заговорила о своей первой полудетской любви, значит, дело совсем плохо. Но Мег Гилфорд сделала вид, что не расслышала последних слов своей подопечной.

— Ну вот еще! — совсем по-деревенски фыркнула матрона. — Да вы поглядите, Мэри, какая круговерть на дворе. Никакой гонец к нам не пробьется из-за таких заносов.

Мэри впервые за все время оглянулась.

— Ты думаешь, Гилфорд? Мег, но ведь ты говорила, что на Рождество всегда ясное небо. Чтобы видеть звезды.

Леди Гилфорд прислушалась. Ветер выл и стонал на улице. В окне дребезжали стекла, за ними то и дело проносились хлопья снега, белые, как призраки. В трубе завывало, разгорев-